

— Бай Цзыцин! — На этот раз Ин Цань звал его, и он был действительно в ярости. Он ударил кулаком по изголовью кровати, а затем ушел, даже не оглянувшись.

Бай Цзыцин был вне себя от гнева, и всю эту ночь он не мог уснуть. Когда странные слухи снова поползли, Сяо Цзю, увидев, как он с мрачным лицом разбил чашку в руке, в страхе заставил всех евнухов в комнате встать на колени.

— Господин... господин? — Сяо Цзю уговаривал его. — Давай в будущем не будем слушать эти вещи.

Бай Цзыцин отмахнулся от него:

— Не из-за этого.

— Тогда из-за чего?

— ...Я сам не могу объяснить, — нахмурился Бай Цзыцин. Он просидел два дня, даже не в силах дочитать оставшиеся страницы книги.

Изменения в системе государственных экзаменов действительно были значительными. Говорят, что Цзи Инхуай из Приказа Дали допрашивал два дня и две ночи, чуть ли не применяя пытки, и действительно нашелся человек, который рыдал на дыбе, эмоционально сломленный. В конце концов, хотя он и не отвечал на все вопросы, но признал, что имел дела с семьей Цзи, и у него даже были доказательства — бухгалтерские книги, деньги, все что угодно.

Теперь улики были неоспоримы.

Бай Цзыцин был слегка удивлен новым указом о выборе главного экзаменатора.

Согласно указу, главный экзаменатор назначался из числа академиков Ханьлиньской академии и заместителей министров, а также дополнительно выбирался Тайчанский министр. Кроме того, система рекомендаций была отменена, и с тех пор, если какой-либо чиновник хотел устроить своего сына на должность мелкого чиновника, это больше не считалось «разрешенным».

Некоторые из новых правил были знакомы — это были те, что он написал Ин Цаню, и тот использовал их без изменений.

Ин Цаню требовалось больше мужества, чем можно было представить, чтобы сделать все это. Бай Цзыцин не мог не признать, что на этом месте он справлялся хорошо.

Через пять дней Бай Цзыцин снова вышел из дворца и неожиданно встретил Чжан Сюня в Башне Сыхэ.

Он все так же улыбался, прищурился глазами, и разговаривал с Цуй Даожуном. Бай Цзыцин на мгновение почувствовал, будто время вернулось назад.

— Дело закрыто, брат Сюнь, ты быстро вышел.

— ...Император попросил меня передать тебе кое-что, — Чжан Сюнь спокойно сказал. — Так скажу: я — «особый элемент», обученный во дворце, и подчиняюсь только нынешнему императору.

— Вот как... — Бай Цзыцин промолчал, но Цуй Даожун был поражен.

— У Цзи Цзэ была любимая наложница, которая раньше была служанкой в семье Цинь. Император просто использовал эту связь и заставил людей сыграть роли, включая меня.

— Тогда почему ты пришел ко мне? Ты познакомился со мной через Даожуна, просто чтобы использовать меня?

— Этот вопрос не входит в мои обязанности, — Чжан Сюнь сделал паузу. — Но я думаю, господин сам сможет понять, и мне не нужно объяснять.

— Хорошо. Тогда... — Бай Цзыцин медленно спросил. — ...Что ты хочешь сказать?

Чжан Сюнь покачал головой:

— Император не настолько нетерпелив.

Услышав это, Бай Цзыцин нахмурился еще сильнее:

— ...Ты имеешь в виду, что, поскольку это дело касается семей Цзи и Цинь, Ин Цань, по своему характеру, не станет втягивать семью Бай?

— Господин сам может это понять.

— ...Я могу? — Бай Цзыцин расслабил брови и с горькой улыбкой посмотрел на них. — Ты слишком высокого мнения обо мне, я не могу.

Это была правда от Бай Цзыцина.

Чжан Сюнь, помимо всех этих неприятных слов, пришел, чтобы помочь Цуй Даожуну. По его словам, Ин Цань беспокоился, что новости извне дворца не будут доходить вовремя, поэтому и послал Чжан Сюня. Цуй Даожуну было не по себе, но Бай Цзыцин, после долгих раздумий, согласился.

Он ушел рано, и Бай Цзыцин, сидя в карете, вертел подвеску с падубом в пальцах, разговаривая сам с собой:

— Говорил, чтобы я даже не думал...

Его карета остановилась у ворот дома Бай, и, прежде чем он успел поднуть занавес, он услышал, как остановилась другая карета, а затем раздался спор между мужчиной и женщиной, обсуждавшими строку из какой-то поэзии. Бай Цзыцин спокойно послушал и понял, что это была «Водная мелодия» Хуан Тинцзяня.

Бай Цзи успокаивал свою жену, но тут из передней кареты выглянуло лицо его младшего брата.

Бай Цзыцин громко крикнул ему:

— Эй, второй брат!

— Цзыцин? — Бай Цзи обрадовался и хотел подойти, но Лю Мян была еще более рада. — Эй, ты Бай Цзыцин?! Тот самый Бай Цзыцин?!

— ...Невестка.

Бай Нянь наконец увидела Бай Цзыцина и, схватив его, прыгала и смеялась, в то время как ее родной брат Бай Цзи остался в стороне, неловко улыбаясь, поедая мандарин.

Лю Мянью сидела рядом с Бай Цзи, с восторгом глядя на Бай Цзыцина, и Бай Цзи с укором сказал ей пару слов:

— Твоя привычка бросать вызов каждому, кого встречаешь, почему до сих пор не изменилась?

Лю Мянью, будучи прямой, ответила ему без колебаний:

— А что менять? Твою привычку злиться, когда проигрываешь, может, тоже стоит изменить?

Бай Цзи был мягким человеком и очень любил свою жену, поэтому мог только смириться:

— Ладно, ладно, сама с ним поговори, хорошо?

Когда Лю Мянью удовлетворенно кивнула, он повернулся к Бай Цзыцину:

— Цзыцин, твоя невестка хочет поговорить с тобой.

Бай Цзыцин, успокаивая Бай Нянь, чтобы она села и не размахивала руками, обернулся и улыбнулся:

— Как раз, мне тоже есть что сказать невестке.

— Цзыцин, не стесняйся, говори прямо! — Лю Мянью весело махнула рукавом, и в ее глазах была доля хитрости. Бай Цзи сразу понял, что она задумала, но лишь покачал головой в сторону Бай Цзыцина.

Бай Цзыцин, однако, выглядел спокойно:

— Я слышал, что сестры Бай, известные в мире, сейчас временно остановились у тебя... У меня есть друг, который недавно случайно поссорился с ними и хотел бы извиниться. Надеюсь, ты сможешь помочь ему.

— О, это дело легко уладить, — Лю Мянью улыбнулась. — Раз уж ты ставишь условия, то правила буду устанавливать я! Если ты выиграешь этот раунд, я помогу тебе во всем!

Такая прямота и открытость только повысили симпатию Бай Цзыцина к своей невестке. Он кивнул ей с добродушной улыбкой:

— Как скажешь, невестка.

— Так что будем сравнивать? — Бай Нянь, сидя рядом с Бай Цзыцином, смотрела на взрослых, которые обменивались многозначительными взглядами.

Даже Бай Цзи не удержался и напомнил Лю Мянью:

— Мой брат — известный талант столицы. С чем ты хочешь его сравнить, чтобы выиграть?

— Тогда мне нужно хорошенько подумать... — Лю Мянью подперла подбородок рукой, внимательно осмотрела Бай Цзыцина, и в голове у нее появилась идея. — Давай посмотрим, кто первым поймает красного карпа в пруду, как насчет этого?

Едва она произнесла это, как Бай Цыцин и Бай Нянь одновременно ахнули:

— Красного карпа?

— М-м, я видела их раньше, их довольно много, правда, Цзытан? — Лю Мянью локтем толкнула мужа.

Бай Цзи слегка нахмурился:

— Сейчас уже прохладно. Ты всегда любила играть, даже прыгала в реку, но Цыцин не такой. Не слишком ли сейчас лезть в воду?

Услышав это, Лю Мянью тоже посмотрела на Бай Цыцина с легким беспокойством, собираясь придумать что-то другое, но тут он с легкой улыбкой кивнул:

— Ничего страшного, — Бай Цыцин сказал Бай Цзи. — Если невестка может, почему я не могу? Раз сейчас еще светло, начнем соревнование!

— Хорошо! Начинаем, начинаем! — Лю Мянью с энтузиазмом крикнула, а Бай Нянь не отставала, потянув Бай Цыцина за собой. Четверо, окруженные группой слуг, собрались у пруда в доме Бай, который был не слишком большим, но и не маленьким. Так как это было днем, многие были свободны, и это привлекло множество зрителей, создав шумную атмосферу.

Пруд в доме Бай был построен несколько десятилетий назад и всегда поддерживался управляющим Линем. Вода была прозрачной, с легким зеленоватым оттенком, но глубина была неизвестна. Рыбы прятались под водой, и Бай Цыцин, бросив беглый взгляд, действительно увидел несколько красных.

Поскольку нужно было лезть в воду, Бай Цыцин снял верхнюю одежду и жестом предложил Лю Мянью идти первой.

<http://bllate.org/book/16479/1496918>